

РЕГИОНАЛИЗМ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОНЯТИЙ «ИДЕНТИЧНОСТЬ» И «БЕЗОПАСНОСТЬ»

И.В. Тихоненко (Николаев)

Тенденция к созданию регионов на фоне мировой глобализации становится все более распространенной среди основных субъектов международно-политической жизни – государств. Это дает основание развитию новых подходов к определению регионализма, его предпосылок и основных черт.

Таким толчком к переосмыслению классических теорий международных отношений в рамках регионализма стало окончание холодной войны и периода биполярности. Как результат, появился шанс для маневров другим государствам, среди которых особыми характеристиками обладают так называемые постколониальные государства или страны «третьего мира». Именно регионы, создаваемые такими «новыми» государствами, воплощают взаимосвязь безопасности и идентичности, что нашло свое объяснение в теоретической науке.

Стоит отметить разнообразие определений понятия регионализм от производного – «регион». Некоторые аналитики под международным регионализмом понимают взаимозависимость стран и выход интересов национальных субъектов за их границы, но в региональных рамках. По мнению А.Д. Воскресенского, под регионом в широком смысле понимается определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, отграниченный признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в виде специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию [1, с. 4 – 5].

Представитель Копенгагенской школы и парадигмы неореализма в теории международных отношений, Барри Бузан, считает главным критерием выделения конкретных международных регионов высокий уровень взаимозависимости в сфере безопасности, который осознается соседними между собой государствами. В частности, такие идеи были воплощены в теорию комплексов региональной безопасности (ТКРБ), которая стала вкладом неореалистов в исследование феномена регионализма.

Под комплексом региональной безопасности, по мнению Б. Бузана, следует понимать транснациональный регион, содержащий государства и их составные части, которые объединяют устоявшиеся представления о безопасности и отношения в сфере безопасности. Более того, интересы этих государств в сфере безопасности настолько близки, что ни одна из них не может рассматривать свою национальную безопасность в отрыве от национальной безопасности своих соседей [2, с. 8].

Такое переплетение интересов государств в регионе становится определяющим фактором для разработки основных параметров

региональных комплексов безопасности за Б. Бузаном и О. Вевером, которые состоят из: 1) границ, которые отделяют один регион от другого; 2) анархической структуры, то есть, регион должен состоять из двух или более автономных единиц (государств); 3) полярности, которая характеризует распространение силы между основными участниками региона; 4) социальной составляющей, которая определяет восприятие государствами соседей внутри региона по шкале «друг-враг» [8, с. 53].

В контексте выше упомянутых характеристик, особенно, анархичности и вариаций «друг-враг», следует рассмотреть конструктивистский подход к регионализму, возникший именно с распадом биполярности.

Конструктивисты отходят от верховенства материальных ценностей как основного аспекта определения действий государства на международной арене. Так Александр Вендт определяет государства как субъекты международной политики, действующие в направлении объектов «на основании значений, которые объекты имеют для них» [9, с. 87]. Государства по-разному выстраивают отношения к «друзьям» и к «врагам», потому что первые представляют для них угрозу, а вторые – нет.

Государства формируют свои интересы, представление о мире, личное «социальное поведение», проявляющееся посредством «идентичности», атрибутом которой является регион. То есть, регионализм возникает как общая идентичность группы государств с общим «социальным», историческим и политическим опытом [3, с. 186].

Свою региональную идентичность государства определяют с помощью формирования образов «Я», «другие» и «мы», что нашло объяснение в исследовании норвежского конструктивиста Ивера Ноймана. «Другие» – это государства, обладающие противоположными интересами, ценностями и, как результат, идентичностью. Это суждение схоже с представлением о «враге» и об «угрозе» в системе безопасности. В свою очередь, соприкосновение ценностей формирует общую региональную идентичность в формате «мы», то есть, становится инструментом к дальнейшему сотрудничеству и построению комплекса региональной безопасности [4, с. 103].

С точки зрения М. Кастельса, выше упомянутое различие в ценностях и образ «врага» могут привести к конфликту идентичностей, что проявляется в соперничестве двух или более групп (государств) за власть над территорией через «наложение идентичностей», т.е. приводит к возникновению территориальных конфликтов [5].

Конфликты подобного рода распространены среди государств «третьего мира», процессы регионализации в которых существенно отличаются от западной модели. Для них – на первое место в создании региона выходят внутренняя стабильность/нестабильность государств, идентичность и вопросы безопасности.

Специфика регионализации в странах «третьего мира», обретших независимость в результате борьбы с колониальными империями, привела к возникновению критических теорий безопасности (Амитав Ачария, Мохаммед Аюб). Данные теории безопасности, известные также как

постколониальные, «периферийный реализм» или «реализм угнетенных» (subaltern realism), являются оппозиционными классическому реализму.

Среди существующих проблем постколониальных государств выделим такие как неопределенность внутренней ситуации и дисбаланс социальной структуры, которые, по мнению М. Аюба, наиболее ярко характеризуют несформированные «государства-нации». Формированию общего мировоззрения и принадлежности к определенному региону и должен способствовать феномен идентичности.

М. Аюб определяет такие основы безопасности в «третьем мире»: нелегитимность государственных границ, институтов и режимов; социальная неслаженность населения и отсутствие консенсуса в обществе по поводу фундаментальных проблем. Свой «реализм угнетенных», как критику классических теорий безопасности, М. Аюб сводит к таким основным понятиям: 1) внутренний и мировой порядки взаимосвязаны особенно в сфере конфликтов; 2) внутренний порядок в государстве стоит рассматривать в первую очередь, так как он и есть источником конфликтов; 3) конфликты внутригосударственные и между государствами взаимосвязаны и непосредственно влияют на региональную среду [7, с. 117].

Таким образом, делает вывод М. Аюб, без стабильности внутри государства, определенной идентичности не возможно адекватно и объективно говорить о системе региональной безопасности и сплочённом регионе. Ученый солидарен со своим соотечественником А. Ачария в этом вопросе и утверждает, что внутренние конфликты, в частности в постколониальных государствах, ответственны за региональную нестабильность. Неопределенность идентичности государства приводит к мятежам и сепаратистским движениям на этнической основе, имеющим трансграничный характер и дестабилизирующим ситуацию в соседних странах [6, с. 18].

Таким образом, наличие внутренней идентичности и образа «врага» (страны-угрозы) для государства будут способствовать не только установлению стабильности внутри страны, но и формированию относительно безопасного климата в регионе при отсутствии хаотических конфликтов.

На основании выше изложенного, можно утверждать, что происходящие изменения в среде и участниках международных отношений, так же как и тенденция к регионализму, требуют нового теоретического осмысления. Для анализа данного феномена наравне с теорией комплексов региональной безопасности Б. Бузана возможно применение конструктивистского подхода, пересекающегося, в границах понятия «идентичность», с постколониальными теориями регионализма. Последние дают основания утверждать о важности категории «идентичность» для обоснования государствами своей сплочённости, определения ими образа «врага» и принадлежности к конкретному региону, что, в свою очередь, необходимо для конструирования современной архитектуры региональной безопасности.

1. Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: РОССПЭН, 2002. – 528 с.
2. Лукин, А.Л. Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия / А.Л. Лукин // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2011. – № 2. – С. 7 – 19.
3. Мансуров, Т.З. Теоретико-методологические подходы к проблеме региональной идентичности в политической науке / Т.З. Мансуров // Ученые записки Казанского университета. – 2011. – Т. 153, №. 1. – С. 181 – 190.
4. Таран, С.В. Дослідження регіоналізму як фактору міжнародної політики / С.В. Таран // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Філософія. Політологія – 2013. – Вип. 3. – С. 101 – 104.
5. Патратій, Н. Регіональна ідентичність як неформальний інститут в процесі конструювання комплексу безпеки / Н. Патратій // Український науковий журнал «Освіта регіону» [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://social-science.com.ua/article/438>. – Дата доступу: 20.02.2015.
6. Acharya, A. The periphery as the core: the Third World and security studies / A. Acharya. – Ontario: YCISS occasional paper, 1995. – 40 p.
7. Ayoob, M. The Third World security predicament: state making, regional conflict, and the international system / M. Ayoob. – Boulder: L. Rienner Publishers, 1995. – 216 p.
8. Buzan, B. Regions and Powers. The Structure of International Security / B. Buzan, O. Wæver. – New York: Cambridge University Press, 2003. – 570 p.
9. Nugroho, G. Constructivism and International Relations Theories / G. Nugroho // Global and Strategies. – 2008. – Vol. II, № 1. – P. 85 – 98.